

История болезни. Ионыч

Штильман С.

Читая некоторые стихотворения Николая Алексеевича Некрасова, особенно произведения типа цикла «На улице» («Вор», «Проводы», «Гробок»), раз за разом ловил себя на мысли о том, что эти стихотворные произведения очень напоминают заметки и небольшие репортажи в газетах. Сам жанр короткого репортажа в несколько десятков строк предполагает сжатость, точность, наличие конкретных деталей происшедшего события. Конечно, полностью уподобить то и другое нельзя, но одно совершенно бесспорно.

Во многом стиль поэта Н.А.Некрасова сформировался в пору, когда он, спасаясь от голодной смерти, писал во всевозможные газетенки грошовые репортажи о различных городских происшествиях и скандалах. Это был его литературный старт. Да, конечно, и в юности поэт «Музы мести и печали» писал стихи, рассказы и повести, даже драмы. Но стиль репортажа, короткой заметки все равно «проступает» во многих его оригинальных, в том числе и стихотворных произведениях.

В этом смысле очень любопытно взглянуть на творчество таких писателей, как М.А.Булгаков и В.В.Вересаев, в течение довольно длительного времени работавших врачами. «Записки юного врача» и «Морфий» Булгакова, бесспорно, написаны человеком, знающим, что такое анамнез, симптоматика, диагностика различных заболеваний. То же можно сказать и о «Записках врача» В.В.Вересаева.

Да разве только о врачах и газетных репортерах, ставших в конце концов писателями, можно сделать подобное заключение. А слог и стиль судебных чиновников! В произведениях скольких писателей угадываются композиционные и стилистические особенности протоколов допросов, актов и иных строго регламентированных в оформлении бумаг!

Без всякой натяжки это же можно сказать и о литературных произведениях деятелей науки. В их книгах, кроме значительного числа профессионализмов, без труда угадывается влияние написанных ими рефератов, диссертаций, научных статей и докладов.

В нашу задачу, конечно, не входит скрупулезный разбор всех перечисленных случаев влияния различных профессий на стиль и слог отечественных писателей. Мы ограничимся лишь тем, что попытаемся показать, как Чехов-врач угадывается в его произведениях, и в первую очередь – в рассказе «Ионыч».

История нравственной и физической болезни главного героя рассказа «Ионыч», написанного А.П.Чеховым в 1898 году, с нашей точки зрения, представляет собой почти идеальный случай наблюдения и описания зарождения, возникновения и развития различных немощей у доктора Дмитрия Ионыча Старцева.

Следуя законам «жанра» записи истории болезни своего пациента, Чехов в начале рассказа пишет о том, каким при первичном осмотре он находит своего героя. От молодого, только что назначенного земским врачом в заштатный уездный городишко Дялиж Старцева не ускользнуло, что игра на фортепиано Котика (Екатерины Ивановны Туркиной) больше напоминает забивание гвоздей: «...Она упрямо ударяла все по одному месту, и казалось, что она не перестанет, пока не вобьет клавиши внутрь рояля». Сравнение ее игры с тем, «как с высокой горы сыплются камни, сыплются и все сыплются», показывает, что у доктора Старцева хороший вкус.

И хотя описание других «тантов» самой «образованной и талантливой» в губернском городе С. семьи дается не через восприятие Дмитрия Ионыча, а от автора, нельзя сбросить со счетов и того, что Старцев мог заметить и сюсюканье Ивана Петровича и Веры Иосифовны Туркиных, называющих друг друга «цыпка, баловница» и «Жанчик», и стереотипные остроты отца семейства на «необыкновенном языке, выработанном долгими упражнениями в остроумии и, очевидно, давно уже вошедшем у него в привычку: большинский, недурственно, покорчило вас благодарю...».

Из этой же «оперы» и «романы» матери Котика о «красивой графине» и «странствующем художнике» с начальной фразой, ставшей «крылатой»: «Мороз крепчал», и Пава со своей дурацкой «трагической» позой и идиотским восклицанием: «Умри, несчастная!»

Хотя коллективный диагноз автором семейству Туркиных не поставлен, но можно с уверенностью заключить, что перед нами – обычные мещане (разумеется, в духовном, нравственном значении этого слова), то есть, согласно разъяснению толкового словаря, люди с узким жизненным кругозором и мелкими интересами, духовно, нравственно и интеллектуально зашоренные, ограниченные, давно остановившиеся в своем развитии. Конечно, в первую очередь это относится к Туркиным-старшим.

Забавно, что этот вывод нам отчасти помогает сделать доктор, который так или иначе видит во всех людях пациентов. И получается интересная параллель: доктор Чехов ставит диагноз своим героям, в том числе и врачу Дмитрию Ионычу Старцеву, который в свою очередь тоже диагностирует окружающих людей.

Очевидно, что между «свежим» человеком, вновь прибывшим в уездный город Старцевым, и семейством Туркиных существует определенная дистанция, которая бывает между доктором и пациентами, но и нравственная, духовная, которая позволяет Старцеву при первом же посещении этого «талантивого семейства» кое-что заметить и сделать определенные выводы. Недаром, видимо, второе посещение дома Туркиных Дмитрием Ионычем произошло через год с небольшим. Вероятно, не очень-то его туда поначалу тянуло.

Итак, «первичный осмотр» Старцева показал, что в начале рассказа перед нами – вполне здоровый человек. В качестве диагноза в таких случаях обычно принято писать – «практически здоров». Еще бы! Ишь как лихо он после визита к Туркиным прошел девять верст и «не почувствовал ни малейшей усталости, а напротив, ему казалось, что он с удовольствием прошел бы еще верст двадцать».

Однако ох какое непростое это слово – «практически». Это ведь не одно и то же, что «абсолютно»! Неспроста ведь Чехов пишет о том, что уже при первом посещении Туркиных, выслушав «выдающееся» исполнение Котиком музыкальных этюдов, Старцев, «поддаваясь общему увлечению», вместе со всеми произнес и свой комплимент – «прекрасно!». Да и не все его в доме губернских «аристократов духа» покорило. Например, слово «недурственно» Старцев произносит после девятиверстового перехода даже с удовольствием: «Недурственно...» – вспомнил он, засыпая, и засмеялся».

Итак, уже в первой главке рассказа «Ионыч» Чехов перечисляет то, что будет определять нравственное состояние Дмитрия Ионыча. Его восприятие Екатерины Ивановны и ее родителей, отношение к уровню культуры в губернском городе и в доме Туркиных, отношение к еде и некоторые другие факты позволят нам делать те или иные выводы. Будет у нас возможность вполне точно судить и о физическом здоровье героя рассказа.

Известно, что между событиями, которые описаны автором в первой и второй главках, проходит довольно значительное время. Чехов очень скупо сообщает лишь о том, что «в больнице было очень много работы, и он никак не мог выбрать свободного часа. Прошло больше года таким образом в трудах и одиночестве...».

О том, каким за это время стал уездный врач Старцев, мы узнаем из следующих двух главок – второй и третьей.

Во-первых, не подлежит никакому сомнению, что Дмитрий Ионыч влюблен. Естественна и понятна его любовная слепота по отношению к Екатерине Ивановне, то, что «она восхищала его своей свежестью, наивным выражением глаз и щек. Даже в том, как сидело на ней платье, он видел что-то необыкновенно милое, трогательное своей простотой и наивной грацией». Психологически в описании этого прекрасного чувства Чехов необыкновенно точен.

Во-вторых, очевидно, что «длинные, утомительные экзерсисы на рояле», бесконечные чаепития, острооты Ивана Петровича уже давным-давно надоели, даже опротивели Старцеву.

В-третьих, нельзя пройти мимо того факта, что у «него уже была своя пара лошадей и кучер Пантелеймон в бархатной жилетке». Правда, это так понятно и простительно. В конце концов у Дмитрия Ионыча довольно значительная практика, а из Дялижа в губернский

город не очень-то побегаешь. Но вот бархатная жилетка Пантелеймона несколько смущает, да и концовка второй главки очень симптоматична: «И, садясь с наслаждением в коляску, он подумал: «Ох, не надо бы полнеть!»» Трудно сказать, что причина и что следствие — потому ли Старцев заводит коляску, что ходить становится все тяжелее, или брюшко растет оттого, что он мало двигается. Было время, когда пройти девять, да и двадцать девять верст ничего не стоило, а теперь полверсты кажутся бесконечными.

Да, Старцев способен еще испытывать весьма поэтические чувства, он страстно ожидает свидания на кладбище у памятника Деметти, томится и сгорает от желания любви, но это злополучное свидание заканчивается ничем. И Чехов в свойственном ему стиле говорит о последних мгновениях ожидания так: «И точно опустился занавес, луна ушла под облака, и вдруг все потемнело кругом».

Потемнело не только на кладбище. С определенной долей уверенности можно сказать, что пик любви Старцева к Котику миновал. Дальше будет проза: «Одетый в чужой фрак и белый жесткий галстук, который все топорщился и хотел сползти с воротничка, он в полночь сидел в клубе в гостиной и говорил Екатерине Ивановне с увлечением» то, что говорят в сентиментальных романах писательниц типа Веры Иосифовны «странствующие художники» «красивым графиням». Что же касается концовки этого обязательного для душщипательных романов объяснения в «безграничной» любви, ее Чехов сравнивает с тем, что обычно происходит «в маленькой пьесе на любительском спектакле».

Да так оно в общем и было. Котик от начала до конца играла. Она делала вид, что не понимает, зачем это Дмитрий Ионыч умоляет ее пойти в сад, хотя записка с предложением свидеться на кладбище в одиннадцать вечера уже была написана и ждала своего часа в ее кулачке. Точно так же она с чувством сыграла сцену отказа, произнося патетически следующую фразу: «Дмитрий Ионыч, вы знаете, больше всего в жизни я люблю искусство, я безумно люблю, обожаю музыку, ей я посвятила всю свою жизнь». Одно то, что перед произнесением этих слов Екатерина Ивановна встала (так, видимо, вели себя героини модных тогда романов в ответственные моменты своей жизни), говорит о многом.

Впрочем, спектакль — это тогда, когда играют оба. Согласимся с тем, что оба героя были в общем-то почти квиты. Ряженный в чужой фрак и нелепый галстук Старцев был тоже не вполне искренен. Кто знает, может быть, тогда, на кладбище, он говорил бы иначе.

Концовка третьей главки — это прощание доктора Старцева не только со своей любовью, которой уж так жалко, «что, кажется, взял бы и зарыдал или изо всей силы хватил бы зонтиком по широкой спине Пантелеймона». Это расставание и с молодостью, и с «благими порывами», и с бескорыстным служением ближнему своему, и с тем, что позволяло называть этого героя культурным человеком, Дмитрием Ионычем Старцевым.

Больше уже этот герой не позволит себе казаться смешным, делать безрассудные поступки и сентиментальничать. Поэтический период жизни закончился. Начинается жестокая проза будней.

Таким образом, «вторичный осмотр» «пациента» показал, что герой несколько изменился. То, что лишь едва проскальзывало в начале рассказа, постепенно, понемногу, незаметно, мало-помалу, по чуть-чуть (любимые чеховские слова) обрело плоть и кровь, обозначилось куда более явственно.

Потому, кстати, вспоминая о днях увлечения Екатериной Ивановной, «он лениво потягивался и говорил: «Сколько хлопот, однако!»

Однако то, что произошло с главным героем рассказа «Ионыч» через четыре года (а именно столько времени проходит между событиями, описываемыми в третьей и четвертой главках), не может не потрясти. И дело не только в том, что «он пополнел, раздобрел и неохотно ходил пешком, так как страдал одышкой», а к городским больным «езжал уже не на паре, а на тройке с бубенчиками». Страшнее другое. Например, то, что «каждое утро он спешно (курсив наш. — С.Ш.) принимал больных у себя в Дялиже», потому что торопился к больным в губернский город С. Почему? Догадаться несложно. «У Старцева была уже большая практика», — пишет Чехов. Думается, в большом губернском городе живут более со-

стоятельные клиенты. Уж их-то пользоваться куда выгоднее, чем возиться с больными в заштатном Дялиже. Должно быть, в этот период жизни Старцев еще не спешит, посещая больных в губернском городе. Он еще зарабатывает себе имя. А дальше уже имя будет работать на него.

О том, что доктор Старцев омещанивается, говорит и то, что «от таких развлечений, как театр и концерты, он уклонялся, зато в винт играл каждый вечер, часа по три, с наслаждением», и то, что «было у него еще одно развлечение, в которое он втянулся незаметно, мало-помалу, это – по вечерам вынимать из карманов бумажки, добытые практикой». А это уже пострашнее одышки и игры в винт. Меняется внутренняя мотивация поступков героя рассказа. Первичным становится не больная с его страданиями и недугами, а эти самые «желтые и зеленые» «бумажки», «от которых пахло духами, и уксусом, и ладаном, и ворванью».

Да, Старцев еще отличается от местных обывателей, в том числе и «либеральных», еще способен понять, насколько примитивны и ограничены они. Ему еще трудно найти тему для разговора с ними, если речь идет «о чем-то несъедобном». Он еще осознает, что то, что говорят эти люди, – «неинтересно, несправедливо, глупо». Да и кличка у него пока – «поляк надутый» за его несокрушимое молчание и привычку есть «молча, глядя в тарелку».

Но о том, насколько непоправимо изменился земский лекарь, можно с еще большей определенностью судить по его посещению дома Туркиных через четыре года после неудачного объяснения в любви.

Ах, как ошибается Екатерина Ивановна (в прошлом – Котик), когда не очень пронзительно говорит: «Вы загорели, возмужали, но в общем вы мало изменились». Правда, одно она не может не заметить: «Как вы пополнели!» Она еще грезит, подобно другим восторженным барышням из рассказов Чехова, что «это счастье быть земским врачом, помогать страдалцам, служить народу». И его, того молодого врача из уездного городка, она так и представляла себе «таким идеальным, возвышенным...».

Надо отдать должное Дмитрию Ионычу. В этой второй и последней сцене объяснения, когда пришла его очередь отвечать на вдруг вспыхнувшее чувство Екатерины Ивановны, он отвечает ей «признанием без искусства»: «Вы вот спрашиваете, как я поживаю. Как мы поживаем тут? Да никак. Старимся, полнеем, опускаемся. День и ночь – сутки прочь, жизнь проходит тускло, без впечатлений, без мыслей... Днем нажива, а вечером клуб, общество картежников, алкоголиков, хрипунов, которых я терпеть не могу. Что хорошего?»

«Примите исповедь мою: // Себя на суд вам отдаю», – начинал свой предельно искренний ответ Татьяне Онегин. Не менее честно и откровенно рассказал о своем образе жизни Екатерине Ивановне и доктор Старцев. Страшно читать о том, что этот человек прекрасно понимает, что гибнет. Он вполне профессионально диагностирует большинство своих знакомых, с одной стороны, несколько дистанцируясь от них, потому что они не способны понять, что с ними происходит, что ежедневные их обильные возлияния – не что иное, как алкоголизм. Но, с другой стороны, о себе и об этих «хрипунах» и «картежниках» он говорит мы.

Очень важно заметить и то, в какой именно момент гаснет этот покаянный пыл и спасительный огонек в душе доктора Старцева – это происходит именно тогда, когда он «вспомнил про бумажки, которые он по вечерам вынимал из карманов с таким удовольствием...».

В определенной мере можно сопоставить этот эпизод рассказа с соответствующим моментом поэмы Н.В.Гоголя «Мертвые души», когда Плюшкин вспоминает о председателе казенной палаты, с которым был «однокорытником». Огонек в последний раз вспыхнул и погас. Воспоминание о единственном светлом в жизни чувстве на несколько минут оживило душу, но это было не преображение человека, а лишь минутное облегчение во время агонии.

Но если Старцев показан в движении (пусть даже это движение называется деградацией личности), то Иван Петрович и Вера Иосифовна все те же. Туркин-отец все говорит на своем попугайском языке, Вера Иосифовна привычно кокетничает и читает «большинские романы», а Пава, «уже не мальчик, а молодой человек с усами», все встает в затверженную позу и произносит ту же дурацкую фразу. Все идет как по маслу.

Старцев, слушая эту раз и навсегда заведенную шарманку, думает: «Бездарен не тот, кто не умеет писать повестей, а тот, кто их пишет и не умеет скрыть этого». А уходя из этого дома, как бы продолжает эти горькие размышления, думая, что «если самые талантливые люди во всем городе так бездарны, то каков же должен быть город».

Это так напоминает некролог по еще живым или эпитафию!

И – надо отдать должное проницательности доктора Старцева – диагноз «бездарность» поставлен им вполне профессионально.

Одна Екатерина Ивановна в этом выморочном, мертвом доме еще жива. Видимо, именно поэтому она «здесь, в доме Туркиных, уже не чувствовала себя дома». Отрезвление к ней уже пришло. Бывшая капризная и кокетливая кошечка стала глубоко чувствующей и переживающей личностью. Но кому здесь оценить эти перлы?

И первая, и вторая сцены объяснения с Екатериной Ивановной сыграли в судьбе доктора Старцева огромную роль. Если после первой сцены на скамье под старым кленом в саду у Туркиных постепенно стало происходить омещанивание Дмитрия Ионыча, то после второго (и последнего) объяснения с бывшей возлюбленной со Старцевым начали происходить необратимые нравственные изменения. Он стремительно становится пошляком.

То, каким Чехов изображает своего героя в пятой главке, не оставляет никаких сомнений в окончательной и бесповоротной нравственной деградации доктора Старцева, превратившегося в Ионыча. Ничего вроде особенного нет в том, что обыватели губернского города кличут его запанибрата по отчеству. В конце концов что такого в том, что вас по-дружески, по-свойски кличут Петровичем, Сергеевичем, Михалычем? Но в это самое Ионыч А.П.Чехов вкладывает колоссальный смысл. Доктор Старцев перестал быть «поляком надутым», непонятым и неприятным снобом, который сердится, слушая их, обывательские, рассуждения, а потому молча, глядя в тарелку, сидит у них на званых обедах. Теперь он свой, понятный и предсказуемый, такой же, как они.

Ну что с того, что, «принимая больных, он обыкновенно сердится, нетерпеливо стучит палкой о пол и кричит своим неприятным голосом: "Извольте отвечать только на вопросы! Не разговаривать!"». А как должен вести себя знаменитый доктор, у которого «в городе громадная практика», которого престижно приглашать «на консилиум»?

Страсть к накопительству, обжорство, игра в карты – это все, что держит его в жизни. И если раньше, несколько лет тому назад, он сортировал и разглядывал «разноцветные бумажки», а «когда их собиралось несколько сот, он отвозил в "Общество взаимного кредита" и клал там на текущий счет», то теперь более выгодно вкладывает свои сбережения – в недвижимость: у него «уже есть имение и два дома в городе, и он облюбовывает себе еще третий, повыгоднее».

Еда стала для него одним из высших наслаждений. Его двойник – кучер Пантелеймон, который параллельно с хозяином проходит все стадии деградации (несколько лет назад он «вздыхал и жаловался на свою горькую участь: езда одолела»), а теперь он, подобно Ионычу, «пухлый и красный, едет на тройке с бубенчиками». Только Пантелеймон – на облучке, а хозяин – сзади.

Да и выглядит Ионыч не совсем так, как несколько лет назад. Тогда он всего лишь «пополнел, раздобрел и неохотно ходил пешком, так как страдал одышкой». Теперь же его скотоподобие просто ужасает: «Старцев еще больше пополнел, ожирел, тяжело дышит и уже ходит, откинув назад голову». Чехов даже сравнивает его с «языческим богом», поскольку человеческого в нем почти ничего не осталось.

Очередной «осмотр» позволяет сделать неутешительные выводы и о его характере, который стал «тяжелым, раздражительным», и об отношении к больным, которые для него окончательно сделались средством для приобретения очередных разноцветных бумажек, домов и имений.

Характерная деталь: «У него много хлопот, но все же он не бросает земского места; жадность одолела, хочется поспеть и здесь и там». И если в пору освоения им губернской

клиентуры он спешно принимал дялижских больных, можно себе представить, какой от него прок несчастным уездным больным теперь.

О том, что Ионыч стал пошляком, то есть человеком, низким в нравственном отношении, демонстрирующим невоспитанность, хамство, пренебрежение к людям, говорит слишком многое. Одно то, каким образом он осматривает очередной дом, «назначенный к торгам», когда «без церемонии идет в этот дом и, проходя через все комнаты, не обращая внимания на неодетых женщин и детей, которые глядят на него с изумлением и страхом, тычет во все двери палкой и говорит: "Это кабинет? Это спальня? А тут что?"», красноречиво свидетельствует об этом.

Но самым убедительным доказательством полнейшей духовной деградации, эмоциональной анемии и нравственного омертвения является то, каким образом Ионыч отзывается о доме Туркиных и о своей бывшей возлюбленной: «Это вы про каких Туркиных? Это про тех, что дочка играет на фортепьянах?»

Язык человека – это лакмусовая бумажка, позволяющая судить о его нравственном облике. Ионыч и говорить-то разучился. Вот типичная для него ситуация, характеризующая его нынешнее состояние: «Ужиная, он изредка оборачивается и вмешивается в какой-нибудь разговор: «Это вы про что? А? Кого?»

Вот это самое «кого» в паре с «играет на фортепьянах» даже и комментировать не стоит. Недаром автор, завершая диагностирование своего героя и закрывая его историю болезни, пишет: «Вот и все, что можно сказать про него».

Действительно, хотя биологически, с точки зрения белкового обмена и отправления необходимейших функций Ионыч еще числится в живых, но это в полном смысле – живой труп, законченный пошляк.

Недаром поэтому, кстати, Чехов завершает свой рассказ не этой убийственной фразой, а тем, что еще раз говорит о Туркиных. Они смогли удержаться на том же самом уровне мешанства. «Вера Иосифовна читает гостям свои романы по-прежнему охотно, с сердечной простотой», а «Иван Петрович не постарел, нисколько не изменился и по-прежнему все острит и рассказывает анекдоты». Он даже прощается с уезжающими в Крым женой и дочерью на своем давно сформировавшемся языке: «Прощайте пожалуйста!»

А с Котиком – беда. Сложно быть живой среди мертвецов. Им хорошо: они мумифицировались, забальзамировались. Так, глядишь, и через 20 лет будут теми же. Она же «заметно постарела, похварывает и каждую осень уезжает с матерью в Крым».

Доктор Чехов хорошо знает, чем это обычно заканчивается: чахоткой.

История нравственной и физической болезни доктора Старцева, докатившегося до Ионыча, уместилась на полутора десятках страниц. Иному автору понадобилось бы написать об этом целый роман. Но многословие и излишние подробности для записывающего основные симптомы болезни врача несвойственны.

А сколько таких историй! Это и то, как учитель словесности Никитин, женившийся на очаровательной Маше Шелестовой, романтической и поэтичной Манюсе, прошел свои круги ада. На этом пути с ним было всякое. Вот после венчания с Машей Никитин записывает в своем дневнике о том, что приглашенный для солидности на свадьбу бригадный генерал, «старик лет под семьдесят, поздравил одну только Манюсю и сказал ей старческим, скрипучим голосом так громко, что пронеслось по всей церкви: «Надеюсь, милая, и после свадьбы вы останетесь таким же розаном». Офицеры, директор и усе учителя улыбнулись из приличия, и я (учитель словесности Никитин. – С.Ш.) почувствовал на своем лице приятную неискреннюю улыбку».

Это один из первых симптомов надвигающейся болезни. Будут и другие, гораздо более страшные.

Тот же Никитин на похоронах своего сослуживца, учителя истории и географии Ипполита Ипполитовича «хотел сказать на могиле товарища теплое слово, но меня снова (записывает в своем дневнике Никитин после возвращения с кладбища. – С.Ш.) предупредили,

что это может не понравится директору, так как он не любил покойного. После свадьбы это, кажется, первый день, когда у меня не легко на душе...».

Живая совесть еще ропщет. Никитин все больше и больше понимает, что нравственно опускается. Он уже начинает ненавидеть жену, испытывает к ней «тяжелую злобу», ему хочется «сказать Мане что-нибудь грубое и даже вскочить и ударить ее».

Сергей Васильевич Никитин полностью отдает себе отчет в том, что «он вовсе не педагог, а чиновник...», что «никогда у него не было призвания к учительской деятельности, с педагогией он знаком не был и ею никогда не интересовался, обращаться с детьми не умеет; значение того, что он преподавал, было ему неизвестно, и, быть может, даже он учил тому, что не нужно».

Чехов оставляет этого героя в «минуту, злую для него». Сергей Васильевич записывает в своем дневнике: «Где я, Боже мой?! Меня окружает пошлость и пошлость. Скучные, ничтожные люди, горшочки со сметаной, кувшины с молоком, тараканы, глупые женщины... Нет ничего страшнее, оскорбительнее, тоскливее пошлости. Бежать отсюда, бежать сегодня же, иначе я сойду с ума».

Учитель словесности Никитин абсолютно прав. Однако у него есть и еще один выход: смириться, опуститься и стать еще одним Ионычем, говорить, как папаша Шелестов, одно и то же: «Это хамство! Так я ему прямо и скажу: это хамство, милостивый государь».

Впрочем, учитель Никитин хотя бы имеет шанс остановиться, оглянуться и задуматься. А вот герою «Палаты № 6» повезло куда меньше. Да и история его болезни куда более трагична.

Этих самых историй в «Палате № 6» две. Одна – реальная, та, которую пишет сам автор, другая – мнимая, которую невежественный «доктор» Хоботов состряпал для того, чтобы подсадить Андрея Ефимыча.

В том, что доктор Рагин болен, нет никаких сомнений, только не сумасшествием. В этом смысле с ним все в порядке. Он, кстати, намного более нормален, чем Михаил Аверьяныч, Хоботов, Никита и другие «добропорядочные» граждане, которым невдомек, о чем Андрей Ефимыч может беседовать с душевнобольным Иваном Дмитричем.

Доктор Рагин болен нравственно, а от этой болезни никто пока пилюль и порошков не выдумал, да и расплачиваться за свое малодушие ему приходится «полной гибелью всерьез» в той самой ужасной палате.

А разве история жизни Николая Иваныча Чимши-Гималайского, героя рассказа «Крыжовник», не напоминает все ту же историю развития страшного нравственного недуга, которая «доброе, кроткое человека» постепенно, мало-помалу превратила в того самого монстра, который, «того и гляди, хрюкнет в одеяло» и ест «не купленный, а свой собственный крыжовник», суча от счастья ногами.

Правда, в другом рассказе из того же цикла «О любви» есть и другой пример. Герой рассказа «Человек в футляре» Беликов показан не в процессе нравственной деградации, а в готовом виде – «в калошах и с зонтиком и непременно в теплом пальто на вате», а также с непременным «как бы чего не вышло». Автор ничего не говорит о том, как его герой докатился до своего нынешнего состояния, но реконструкцию произвести не так уж сложно – постепенно, понемногу, «день за день, нынче, как вчера». Точнее сказать – почти как вчера, чуть-чуть иначе, оставив во вчерашнем дне всего лишь маленькую частичку живой души, непосредственности и молодости.

Мы вовсе не склонны сводить все творчество А.П.Чехова к композиционной и стилистической формуле «Истории болезни». Бесспорно, оно гораздо более богато и многообразно по тематике, поднятым проблемам и творческим приемам.

Но, полагаю, нельзя не согласиться с тем, что исследование нравственных недугов своих современников, их омещанивание и опошление гениальным писателем и талантливым, самоотверженным врачом велось всю его сознательную жизнь. И он в меру своих сил и таланта пытался предохранить своих читателей от этих так трудно поддающихся лечению недугов.

Каждая болезнь в каждом конкретном случае развивается по-своему, несколько непохоже на то, как она прогрессирует и обостряется у другого. Но общим для всех этих различных случаев является то, что эти «хмурые люди», «недотепы» нравственному обогащению предпочитали материальное, «покупались» на комфорт, возможность сладко есть и мягко спать и при этом как можно меньше отдавать себя людям, работе, семье.

А материальное обогащение тем и коварно, что, занимая все больше пространства вокруг человека, вытесняет из него его самого, «выживает» его.

Это очень хорошо понимал доктор и писатель А.П.Чехов.

ЦГПБ имени А.П. Чехова